

В.С. Степин, академик РАН

**РОСССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И РЫНОЧНЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ**

(опубликовано в кн.: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 143 – 166).

*Представления о культуре в современной научной картине
социальной реальности*

Построение теоретических моделей в экономических науках, в том числе и моделей, учитывающих связи экономики и культуры, зависят от явно или неявно принимаемых исследователями представлений о структуре и динамике общественной жизни. Эти представления фиксирует особая форма теоретического знания – картина социальной реальности, которая выступает как отдельный аспект общенаучной картины мира. Она систематизирует знания, полученные в различных социально-гуманитарных науках, обеспечивает их включение в поток культурной трансляции, является исследовательской программой, определяющей постановку тех или иных научных проблем и выбор средств их решения.

Применительно к экономическим исследованиям различные картины социальной реальности могут стимулировать разные стратегии исследований и соответственно, разные модели объяснения социально-экономических ситуаций.

Например, разработанная К. Марксом картина социальной реальности, изложенная им в «Предисловии к критике политической экономии», ориентировала на особый анализ становления капитализма. Главное внимание уделялось процессам первоначального накопления, анализу социальных предпосылок поляризации труда и капитала, формированию рабочей силы как особого товара. Такой ракурс анализа реализовал установки материалистического понимания истории, согласно которому

духовные процессы, составляющие ядро культуры, выступают как вторичные по отношению к процессам производства, как надстройка, определяемая экономическим базисом.

Иной подход к анализу формирования капитализма был у М. Вебера. Его картина социальной реальности в соответствии с неокантианской традицией акцентировала роль базисных ценностей культуры. Вебер интерпретировал их как исторически меняющиеся ценности. Соответственно главное внимание он уделял духовным предпосылкам становления капитализма (анализ протестантской этики, процессов формирования новых правовых идей, идеала формальной рациональности и т.п.).

В современную эпоху можно констатировать определенный консенсус относительно видения общества как сложной исторически изменяющейся системы. Картина социальной реальности, включающая представление об этой системе выделяет в качестве ее составляющих три основных подсистемы – экономику, социально-политическую подсистему и культуру.

Все три подсистемы связаны между собой и внутренне структурированы. Каждую из них можно сделать особым предметом исследования и представить как сложный исторически развивающийся объект (систему). Именно такое выделение соответствующих блоков картины социальной реальности и конкретизация каждого из них в дисциплинарных онтологиях происходит в соответствующих социально-гуманитарных науках – экономических науках, социологии и политологии, в гуманитарных науках, ориентированных на исследование культуры и человека в культуре.

Экономические науки традиционно рассматривали экономическую подсистему общественной жизни в связи с ее социальной подсистемой. Но привлечение к экономическому анализу результатов исследований культуры не было устойчивой традицией, хотя отдельные образцы такого анализа можно зафиксировать (например, в концепции М. Вебера).

Объективные основания связи экономики и культуры стали проясняться во многом благодаря исследованиям культуры в XX веке, когда постепенно стало складываться представление о культуре как сложно организованной системе, программирующей человеческую жизнедеятельность. С позиций современных представлений культура интерпретируется как сложноорганизованная система надбиологических программ деятельности, поведения и общения людей.

Эти программы представлены многообразием знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). Она также генерирует новые программы деятельности, поведения и общения людей, которые, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождают реальные изменения в жизни общества. Надбиологические программы человеческой жизнедеятельности фиксируются в культуре форме различных знаковых систем, имеющих смысл и значение. В качестве таких систем могут выступать любые компоненты человеческой деятельности (орудия труда, образцы операций, продукты деятельности, опредмечивающие ее цели, естественный язык, различные виды искусственных языков и т.д.), а также сами индивиды, как носители некоторых социальных норм и образцов поведения и деятельности.

Таким образом, наряду с биологическим, генетическим кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система – социокод. Посредством него передаются от человека к человеку, от поколения к поколению надбиологические программы, регулирующие социальную жизнь.

Подобно тому, как управляемый генетическим кодом обмен веществ воспроизводит клетки и органы сложных организмов, так и различные виды деятельности, поведения и общения, регулируемые кодами культуры,

обеспечивают воспроизводство и развитие подсистем общества и их связей, характерных для каждого исторически конкретного вида социальной организации. Речь идет о воспроизводстве и развитии искусственно созданной предметной среды – второй природы, социальных общностей и институтов, свойственных данному обществу типов личностей и т.д.

Культура выступает особой подсистемой общества, но она пронизывает все без исключения состояния социальной жизни, и нет ни одного социального феномена, который был бы изолирован от влияния культуры и не нес бы на себе печати ее воздействия.

В процессе развития общества происходит дифференциация надбиологических программ, представленных кодами культуры. Возникают относительно самостоятельные сферы духовной культуры – религия, искусство, мораль, наука, образование, политическое и правовое сознание и т.д., которые взаимодействуют между собой и оказывают регулирующее воздействие на практику и повседневную жизнь людей. Причем по мере исторического развития в различных сферах культурного творчества все активнее разрабатываются программы, выходящие за рамки сегодняшних запросов повседневной жизни и адресованные будущему.

Генерируемые в науке теоретические знания, вызывающие перевороты в технике и технологии последующих эпох, новые идеалы социального устройства, нравственные принципы, разрабатываемые в сфере философско-этических учений и часто опережающие свой век, — все это образцы программ будущей деятельности, приводящие к изменению социальной жизни. Чем динамичнее общество, тем большую ценность обретает этот уровень культурного творчества, адресованный будущему. В современных обществах его динамика во многом обеспечивается деятельностью особого социального слоя людей—творческой интеллигенции, которая по своему социальному предназначению должна постоянно генерировать культурные инновации.

Концепция программирующих функций культуры по-новому ставит проблемы экономической деятельности. Исторически развивающиеся базисные ценности культуры формируют особые матрицы допустимого и недопустимого в этой деятельности. Модели экономического развития, не учитывающие особенностей культуры, при их применении в практике, могут привести к совершенно иным результатам, чем предполагалось поставленными целями.

Проблема построения цивилизованного рынка в свете российского менталитета

В наших недавних экономических реформах проблема учета российских культурных традиций была поставлена самим ходом реформ, хотя, на мой взгляд, она не была в должной мере осознана.

В начале реформ казалось, что экономические свободы и право частной собственности являются не только необходимыми, но и достаточными предпосылками для успешного продвижения к эффективной экономике, что они автоматически приведут к формированию класса предпринимателей, которые, став заинтересованными хозяевами, обеспечат структурные изменения производства и его рост в соответствии с запросами потребителя.

Однако в действительности все оказалось намного сложнее.

У нас долго противопоставляли рынок и государственное регулирование экономики. Можно вспомнить дискуссии времен перестройки, когда ставился вопрос: как совместить рыночные элементы с тем способом экономической жизни, который сложился в период существования СССР? Некоторые экономисты и публицисты даже выдвигали дилемму: либо рынок, либо план. Эта идея долгое время господствовала в общественном сознании. Я не думаю, что сторонники этой концепции не понимали, что цивилизованный рынок предполагает государственное регулирование экономики. Дело в другом, а именно в

представлении о сложности и неоднозначности предстоящего — глубинных процессах преобразования тех способов экономической жизни, которые доминировали в советский период нашей истории.

Рыночные отношения нельзя было просто внедрить, трансплантировать в экономику советского общества, без радикальной ломки основ ее управления. Поэтому вопрос “или-или” имел смысл, скорее, как вопрос, каким образом преобразовать существующие системы экономических отношений. Но сама постановка этой проблемы в общей форме была недостаточной. Требовалась ее конкретизация, которая бы очертила подходы и средства решения проблемы. А для этого необходимо было преодолеть концепцию противопоставления рынка и плановой регуляции.

Сегодня можно зафиксировать, что цивилизованный рынок предполагает не только свободу действий экономических субъектов, но и определенные формы государственного регулирования, которые создают условия для наилучшего проявления этой свободы, что и выступает необходимой предпосылкой эффективной экономики.

Критика жесткой плановой экономики убедительно была дана Ф. Хайеком. Он показал, к каким последствиям приводит пренебрежение тем фактором, что у людей, вступающих в партнерские договорные отношения в условиях рынка, всегда есть некая информация, часто невербализованная, которую никакой плановый орган не в состоянии собрать, учесть и обработать. Поэтому только рынок создает возможность наилучшей оптимизации сил, потребностей, ресурсов, что и дает в итоге эффективную экономику.

Если к современной экономике применить парадигму системного подхода, то экономическую сферу следует рассматривать как сложную саморазвивающуюся, саморегулирующуюся систему, в которой можно выделить, по меньшей мере, два аспекта. Во-первых, наличие стохастических процессов, которые характеризуются как вероятностные игры в рамках относительно автономных экономических подсистем. Во-вторых, наличие

блока управления, обеспечивающего воспроизводство небольшого набора фундаментальных параметров системы, которые определяют ее целостность и задают правила оптимизации вероятностных игр в ее подсистемах. Само же управление основано на прямых и обратных связях, обеспечивающих оптимальную регуляцию системы. И если экономическая система полагается развивающейся, то она должна быть динамичной, способной усложняться, наращивать уровни своей организации, дифференцироваться, порождая новые автономные подсистемы. Такого рода системное видение, применяемое к проблеме «экономика – план – рынок», делает очевидным тот факт, что только та рыночная экономика, в которой стохастические процессы, связанные с формированием многообразных партнерских отношений различных субъектов рынка, сочетаются с общими для всех правилами игры и регулируемыми действиями государства, способна обеспечить наиболее эффективное распределение ресурсов согласно потребностям людей и стать процветающей экономикой. С этих позиций целесообразно оценивать роль и значимость предпринимательства в современной социальной жизни.

В общественном сознании посткоммунистической эпохи существуют две диаметрально противоположные оценки современного российского предпринимательства.

Позитивная оценка апеллирует к неэффективности экономики советского типа по сравнению с развитой рыночной экономикой передовых стран Запада и Востока. Отсюда делается вывод о бесспорной ценности предпринимательства. Негативная оценка отсылает к отрицательным проявлениям предпринимательства в странах, возникших на территории бывшего СССР. Это — доминирование спекулятивного капитала, его связи с мафиозными структурами и коррумпированным чиновничеством, несправедливый раздел государственной собственности, обнищание большинства населения.

Полярные оценки предпринимательства постепенно превращаются в идеологемы, активно используемые в политической борьбе. Поэтому особенно важно обсудить проблему типологии предпринимательства.

Исторические типы рынка и предпринимательства

В истории цивилизации можно выделить два основных типа рыночных отношений: “дикий” и цивилизованный рынок¹. Дикий рынок характеризуется доминированием спекулятивно-грабительских тенденций накопления капитала, прибыль здесь генерируется преимущественно не в продуктивной, а в посреднической сфере и связана с распределительными и перераспределительными отношениями. В условиях экономики дикого рынка надежды на быстрый рост производства выглядят весьма проблематичными. Это связано с тем, что лежащие в ее основе формы перераспределения усиливают социальную дифференциацию, порождая обнищание масс населения и, как следствие, снижение его покупательной способности. А это, в свою очередь, приводит к уменьшению стимулов роста производства.

Критика “дикого” рынка была дана не только в формах социалистической критики капитализма, но и в классических формах буржуазной экономической теории (А.Смит). “Дикий” рынок был определенным этапом при переходе к цивилизованному рынку, который радикально меняет тип рыночных отношений и характер социальной жизни. Цивилизованный рынок нацелен на рост производительности и такую реализацию экономических свобод массы индивидов, которая коррелирует с творческим потенциалом производителей и ростом их благосостояния. В цивилизованных формах рыночного хозяйства осуществляется государственная регуляция экономической сферы, но регуляция

¹ Отмечу, что эта типология разрабатывалась в российской политологической литературе при обсуждении проблем этики предпринимательства и феномена морального отчуждения (См.: Бактановский В.Н., Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Томск, 1992; Согомонов Ю.В. Этика гражданского общества //Будь лицом: ценности гражданского общества. Томск, 1993).

экономическими средствами — налоговой политикой и жестким законодательством, определяющими единые “правила игры” и создающими равные возможности для всех.

Цивилизованный рынок возникает не сразу. Этот процесс занимает длительный исторический период и сопряжен с возникновением гражданского общества.

Двум типам рынка соответствует доминирование разных форм предпринимательской деятельности. Первому—деятельность, преимущественно в торговой и финансовой сфере, часто связанная с криминальными структурами, ориентированная на наживу любой ценой, порождающая резкую поляризацию в уровне доходов и не создающая условий для процветания экономики. Второму, т.е. цивилизованному рынку, свойственно доминирование иного типа предпринимательства, которое ориентировано на рациональную выгоду, прежде всего в сфере производства товаров и услуг, но при этом видит не только ближайшие, но и дальние цели, заботится о том, чтобы у постоянно растущего производства был потребитель. Цивилизованный рынок — это производство ради потребителя.

Оно предполагает особую социальную политику, которая стимулирует активное участие людей в разных сферах труда и вместе с тем обеспечивает рост их потребительских возможностей, подтягивая бедных на более высокий уровень потребления. Тем самым расширяется круг потребителей, что, в свою очередь, становится одним из условий развития экономики.

Сегодня можно констатировать, что результатом реформ 1990-х г. было создание у нас, скорее “дикого», нежели цивилизованного рынка.

Для теоретиков-реформаторов, ориентированных на опыт и теории западного либерализма, этот результат выглядит неожиданным. Тем более важно обсудить причины, породившие нежелательные тенденции наших экономических преобразований.

Когда начался переход к рыночным отношениям, наши политические лидеры во многом ориентировались на идеи, разработанные в парадигме

“рационального выбора”, заимствованной из западных экономических теорий, прежде всего, Чикагской школы. Ее создатели предполагали, что акторы рынка — это максимизаторы прибыли и пользы, люди, которые действуют рационально, и их рациональная деятельность основана на том, что они ведут игру на рыночном пространстве по одним правилам. Сама же индивидуальная рациональная деятельность приводит к тому, что создаются условия для экономического процветания. Свобода, рациональная деятельность, действия людей как максимизаторов прибыли рассматривались в качестве основы цивилизованного рынка. Это была идеализация «экономического человека», лежащая в основании экономической модели, на которую ориентировался неолиберализм. Сама по себе она вполне допустима в определенных границах и может быть использована при описании определенного типа объектов². Но ее применение уже заранее неявно предполагает существование некоторых реальных предпосылок. И тогда возникает вопрос: имелись ли эти предпосылок в российской действительности?

Реформаторы, пришедшие к власти после августовского путча, считали, что для создания рынка достаточно осуществить всего лишь два шага: отпустить цены, дать людям экономическую свободу. Предполагалось, что эти шаги позволят “запустить” механизмы рыночной саморегуляции, и через несколько месяцев возникнет нормальный рынок, который приведет к подъему экономики. Но вскоре выяснилось, что это очередная иллюзия, одна из тех, что вообще были нередки в российской истории. Чтобы создать условия для цивилизованного рынка, необходима была особая экономическая политика, постоянно соразмеряющая реформы с традициями. Иначе говоря, стратегии реформаторства должны были учитывать как социальные, так и ментальные особенности той “почвы”, на которую предстояло трансплантировать западный опыт цивилизованного рынка.

² О моделях человека в экономических теориях см. напр.: Федотова В.Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. 2007. № 9.

В начале нашей посткоммунистической истории его предпосылки, очевидно, отсутствовали в сфере социальных отношений. При монополизме производителей и крайней малочисленности мелких и средних собственников реформы конца 1991 – начала 1992 годов не имели серьезных шансов в движении к цивилизованному рынку. Попытки ускоренного создания среднего класса на путях ваучерной приватизации не имели успеха. Ваучерная приватизация обернулась разделом госсобственности бывшей и новой номенклатурой, активно использовавшей свое положение в управленческих структурах для перераспределения государственных ресурсов и средств в свою пользу. Никакой игры по общим правилам у нас не было. Правила менялись в зависимости от интересов тех или иных номенклатурных групп, стоявших у власти или имевших рычаги воздействия на нее.

В этих условиях основной формой бизнеса стали финансово-торговые, в большей своей части спекулятивные акции, которые знаменовали переход к рынку после снятия государственного контроля над ценами. Началось интенсивное перераспределение капиталов, в основном получаемых за счет посредничества и вывоза за рубеж продукции сырьевых производств. Непродуманная налоговая политика дополнительно стимулировала рост финансово-торгового капитала при ускоряющемся общем падении производства. В результате в стране стал формироваться не цивилизованный, а “дикий” рынок.

Еще более глубокие причины, затруднявшие реализацию либеральной программы создания цивилизованного рынка, состояли в том, что наши реформаторы начала 90-х годов практически проигнорировали особенности российской культурной традиции, стереотипы и архетипы российского сознания.

Нельзя сказать, что наши теоретики рынка не знали классических исследований М.Вебера, в которых была выявлена связь между принципами рынка и духом капитализма. Охотно цитировали и Ф. Хайека,

подчеркивающего связь между идеалом индивидуальной свободы, рационального выбора и правового государства, с одной стороны, и эффективностью экономики, основанной на предпринимательской активности, с другой.

Однако необходимых практических выводов из этих известных принципов не было сделано. Пропагандисты рынка настаивали (и в какой-то мере, правильно), что существует уже апробированный опыт экономического развития, который необходимо использовать, при проведении российских реформ. Но тут же сразу возникала проблема, как применить этот опыт к современной российской действительности. Если исходить из идеи взаимосвязи типа экономической жизни и ее духовных предпосылок, то необходим был их анализ применительно к российской духовной традиции, включая и анализ тех перемен, которые произошли в советский период российской истории.

Потребность в таком анализе становится все более острой, поскольку, помнив шоковую терапию, и опять оказавшись у исторической развилки, мы задаем уже традиционный для российской истории вопрос: куда идти? И вновь сталкиваются две полярные точки зрения. Первая исходит из принципа — нечего изобретать уже открытое, нужно учиться у Запада. Вторая настаивает на особом пути России, полагая, что опыт Запада для нее чужероден.

В этой абстрактной постановке проблем легко прослеживаются аналогии со старыми спорами между западниками и славянофилами. Но от общих принципов всегда следует переходить к конкретному анализу, выясняя, с какими именно культурно-историческими архетипами российского сознания столкнулись попытки ускоренного перехода к рынку, предпринятые в начале 1990-х годов.

Теория рационального выбора и архетипы массового сознания

Западный опыт цивилизованного рынка опирался на систему базисных ценностей, которые складывались и шлифовались в длительной истории новоевропейской цивилизации. Эта система, взятая в ее современном варианте, полагает индивидуальную свободу и личную ответственность, рациональность выбора и действия, нацеленные не только на близлежащую, но и долговременную пользу, правовое государство и единое правовое пространство как условие соблюдения договорных отношений акторов рынка, понимание справедливости и равенства, прежде всего, как равенства возможностей, признание ценности наличного бытия как установки на постоянное и хлопотливое обустройство жизни.

Эти ценностные ориентации не были укоренены в нашей реальной жизни. Они конфронтировали с иными ценностями, которые складывались исторически и выражали специфику российскую культурной традиции. В ней отпечатались основные вехи российской истории, в том числе и целого ряда модернизаций, которые были связаны с переносом опыта западной цивилизации и соответствующих ей культурных норм и ценностей на российскую почву.

Взаимодействие норм и ценностей различных культур в культурном пространстве России неизбежно приводило к видоизменению традиционных российских ценностей. Вместе с тем, в самих этих видоизменениях прослеживаются достаточно устойчивые архетипы российской духовности, определяющие понимание мира, способы жизнедеятельности, формирование личности.

В российской культурной традиции идеалы индивидуализма не занимали того приоритетного положения, которое было характерно для системы ценностей западной техногенной культуры. Как подчеркивал Н. Бердяев, российскому духу был свойствен идеал соборности. При этом он особо отмечал, что соборность принципиально отлична от коммунальности,

т.е. такого состояния коллективной жизнедеятельности, которое определено внешним принуждением. Соборность же предполагает объединение людей из внутренних побуждений, общей целью и общим делом.

Но в реальной системе жизненных ориентаций эти различные и даже противоположные смыслы часто переплетались. Их соединение можно обнаружить как в менталитетах традиционной крестьянской общины, так и в советское время.

Может показаться, что разрушение русской общинной жизни, произошедшее в эпоху ускоренной индустриализации и урбанизации, должно было разрушить и идеалы соборности, атомизируя индивидов и подчиняя их только внешнему тоталитарному контролю. Однако соборные черты общинной жизни сохранялись в российском сознании. Они были воссозданы в жизни производственных коллективов советской эпохи. Эти коллективы были не только профессиональными объединениями людей, но и особыми формами общения и повседневной человеческой коммуникации. Праздники, дни рождения люди отмечали не только в семье, но и в производственном коллективе, были традиции и совместного отдыха (воскресные выезды за город на природу), была взаимопомощь (добровольный сбор средств для нуждающихся, помощь при переезде на новую квартиру, помощь при похоронах и т.д.). Короче говоря, реальная внепроизводственная жизнь советских людей не замыкалась в семейных рамках, а во многом сплавлялась с производственной работой.

Известный анекдот о том, что советский человек, в отличие от западного, в семье обсуждает производственные проблемы, а на производстве — семейные, лишь слегка гипертрофировал реальное состояние жизни тех времен.

В условиях тоталитарного контроля и коммунальности те элементы соборности, которые сохранялись в жизни трудовых коллективов, были своеобразной самозащитой личности и специфической формой проявления ее свободы.

Попутно отмечу, что в условиях переходной экономики люди переносили трудности жизни, и в том числе скрытую безработицу (невыплата зарплаты многими месяцами), без явно выраженных форм бунтарского протеста во многом потому, что оставались в коллективах, которые смягчали ситуации индивидуального стресса, оставляя надежду на совместное преодоление трудностей.

С идеалом соборности тесно связано и особое понимание свободы, свойственное русскому духу. Он больше ориентирован на коллективные формы реализации свободы. Это вовсе не означает, что русские люди не ценили индивидуальную свободу, но она, прежде всего, воспринималась как воля. Свобода же, соединенная с ответственностью, понималась как коллективная свобода, как свобода для всех, которая достигалась через преодоление страдания в поиске правды и добра. Ощущение и понимание свободы в культурном пространстве России до сих пор определяет «взгляд на свободу как на некое выстраданное состояние, как достижение справедливости среди людей и народов, когда в жертву приносятся свои личные интересы во имя свободы и счастья других»³.

Ф.Достоевский и Вл. Соловьев не раз подчеркивали эту особую черту русской идеи — стремление “стать братом всех людей, всечеловеком” (Ф. Достоевский), “достичь в согласии с другими народами совершенного и вселенского единства” (Вл. Соловьев). Этот идеал свободы, провозглашавший сострадание всем угнетенным, легко согласовывался и с православием, и с коммунистической идеологией. Он нес в себе бесспорный заряд мессианства⁴.

Но вместе с тем, он содержал в себе ценности толерантности, открытости, единения, что обретает особый смысл в современных условиях глобализации и интенсивного диалога культур. Идеал прав человека не был явно выражен в российском понимании свободы. Однако это понимание не имело внутри себя каких-либо ограничений, чтобы принять идею прав

³ Агильдиев А. Свобода //Будь лицом: ценности гражданского общества. Т.1. Томск, 1993. с. 16.

⁴ См. подробнее: Будь лицом: ценности гражданского общества. С. 16, 163-173.

человека. Понимание свободы, которое складывалось в нашей культурной традиции, содержало потенциал своего развития и обогащения новыми смыслами.

Приоритет ценности индивидуальной свободы в новоевропейской культуре был важнейшим компонентом духа капитализма. Дальнейшее развитие было сопряжено с дополнением этой системы приоритетов идеями прав народов и их свободного единения.

В развитии российского понимания свободы был иной путь — от идеала свободы и братства всех людей и народов к включению в его содержание идеала прав человека. Мы в начале этого пути, и новые смыслы появились в нашем сознании сравнительно недавно, в результате сложных процессов кризиса прежней идеологии, ее критики и обращения к опыту западной демократии. Они были одним из завоеваний последних лет перестройки, когда идея прав человека стала провозглашаться в качестве приоритета не только отдельными интеллектуалами, но и средствами массовой информации и властными структурами.

Однако провозглашение идеи еще не означает ее укорененность в качестве ценности и регулятора действий и поступков людей. В этом пункте проблема свободы органично связывается с проблемой правосознания и правового государства. И то, и другое является необходимым условием цивилизованного рынка, который предполагает соединение личных свобод и единого правового пространства, где действуют общие для всех правила экономической игры.

Но создание единого правового пространства всегда было проблемой для России. Разная трактовка и разное исполнение законов имели исторические корни. Многие народы, присоединяясь к России, входили в состав империи с условием, что будут жить не по общим законам, а по своим обычаям.

Сложная российская история в дореволюционный период не создала достаточно устойчивых предпосылок для правового государства.

Возможность продвижения в этом направлении, открытая реформами Александра II, была заблокирована последующим откатом реформ, а затем окончательно исключена революцией и массовым применением насилия.

В советский период сложилась практика довольно частого нарушения конституции и законов путем принятия различных подзаконных актов, ведомственных инструкций и указаний партийных органов, в том числе и устного характера (телефонное право). Именно эти инструкции и указания выступали реальным регулятором социальной жизни. Не случайно требование соблюдать существующее законодательство и конституционные права были способом борьбы диссидентского движения за демократические реформы.

Однако не следует думать, что практика решения различных жизненных вопросов неправовыми методами сложилась только в советскую эпоху. Эта практика имела в России давнюю традицию. Нелишне вспомнить, что самодержавие в России обожествлялось (царь — помазанник божий) и стояло над законами, что длительный период российской истории был эпохой крепостного бесправия массы населения, а разные сословия наделялись различными правами, что взятка и произвол были характерными чертами функционирования громоздкого чиновничьего аппарата, на который опиралась самодержавная власть. Обо всем этом уместно напомнить в наше время, когда распространяются многочисленные мифы о дореволюционной России.

Сложная история России сформировала особое понимание закона и права. В архетипах российского сознания закон и право не имеют самоценного значения, и лишь тогда выступают ценностью, когда к ним добавлено прилагательное “справедливый”. Справедливость таким образом ставилась выше права, и это было не просто сохранением в российской жизни традиционно-общинных форм социальной регуляции, но и своеобразной нравственной самозащитой личности в неправовом социальном пространстве.

Само понятие справедливости включало множество смыслов. Оно соединяло в своем содержании мировоззренческие образы различных ступеней цивилизационного развития, которые прошла Россия в своей истории. Здесь можно обнаружить уравнильно-распределительное понимание справедливости, имеющее своим истоком традиционно-общинную жизнь, и трансформированное в идеал коммунистического общежития в советскую эпоху. Отметим попутно, что критика партократии и ее привилегий, подготовившая перелом в нашей жизни 1990-х годов, во многом опиралась на это понимание. Его же использовали пропагандисты рынка и критики плановой системы, апеллируя к массовому сознанию. Идеал рынка был представлен не в образе инициативного производительного труда, а в образе западного супермаркета, исключая дефицит, а значит и несправедливое распределение.

В системе смыслов, определяющих архетип понимания справедливости и закона, имелся и слой содержания, восходящий к идеалу сильной центральной государственной власти, олицетворяемой справедливым государем. «В России верили в царя-батюшку, который “один за всех” и “должен всех равнять”. Он воплощал правду, справедливость и был защитником от врагов, от зла, включая чиновников (начальство). Это тотемистское отношение к первому лицу мы застаем в России и в XX веке»⁵.

Сильная центральная власть обеспечивала интеграцию различных народов, входивших и состав российского государства. Она была гарантом целостности России, контролируя региональные властные элиты. При ослаблении центра бесправие на местах, как правило, возрастало, активизировались сепаратистские движения, обострялась борьба за власть, угрожая распадом государства, смутами, хаосом и нарастанием варварства.

Соединение идеала справедливости и идеала сильного государства в российском сознании было не только выражением традиционно-общинных менталитетов, но и учетом в своеобразной форме исторического опыта

⁵ Ахиезер А. Думы о России. От прошлого к будущему. 1994. С. 9.

смутных времен, через которые периодически проходила Россия. Здесь коренится одна из главных проблем российских реформ — поиск путей перехода от авторитаризма к демократии и правовому государству при сохранении сильного государства. Пути такого перехода наши реформаторы 1990-х годов найти не смогли. Впрочем, подобной задачи и не ставилось. Было убеждение, что следует децентрализовать государство, ослабляя центр, и это воспринималось как одно из условий демократизации общества и перехода к рыночной экономике. Сегодня уже очевидно, что возникшие тенденции распада вовсе не приблизили нас к реальной демократии, а утрата единого экономического пространства (таможенные барьеры, разрыв хозяйственных связей и т.д.) стала одним из факторов, затруднивших переход к цивилизованному рынку.

Обсуждая проблему духовных предпосылок рыночных реформ в России, следует принять во внимание и такие социокультурные факторы, как специфика проявления рационального и иррационального в массовом сознании.

В свое время В.О.Ключевский отмечал в качестве черты российского сознания его тяготение к действиям на “авось”, к непросчитанным рационально поступкам. Такой тип поведения В.О.Ключевский связывал с особенностями российской жизни и хозяйственной деятельности, протекающей в климатической зоне неустойчивого земледелия, к которой относится большая часть территории России, и в которой виды на урожай, а, следовательно, жизнеобеспечение крестьянина и его семьи были всегда проблематичны. К этому следует добавить, что российское пространство было и зоной многочисленных набегов, частых войн, конфликтов, многообразных поборов со стороны властей (непомерные налоги, различные реквизиции имущества, низкая цена труда и т.п.), которые держали личное хозяйство на грани разорения, а часто и за этой гранью.

Все это сопровождалось чрезвычайно неопределенной и недостаточной правовой защитой личности в дореволюционный период, периодическими

чистками и массовыми репрессиями в большевистскую эпоху. Народное сознание отразило это нестабильное состояние человеческой жизни в многочисленных поговорках типа: “от сумы и от тюрьмы не зарекайся”, а в советский период в анекдотах, наподобие известной “притчи” о пессимисте и оптимисте, когда первый утверждает, что жизнь — “хуже некуда”, а второй (оптимист) — “будет еще хуже”.

В этих условиях неопределенности и неустойчивости бытия снижалась ценность рационального действия и поступка. Это, конечно, не означает, что русский человек изначально иррационален и всегда действует по принципу “авось повезет”. В устойчивых социальных состояниях он вполне способен просчитывать варианты и действовать рационально так же, как и человек Запада. Но в неустойчивых состояниях социального развития, которые синергетика характеризует в терминах динамического хаоса, наиболее адекватным становится вероятностный стиль поведения, сопряженный с рисками.

Принципиальный недостаток информации в этих состояниях компенсируется повышенной эмоциональностью принятия тех или иных решений. И это тоже не следует оценивать негативно. Как показал П.В. Симонов в концепции информационной природы эмоций, они особенно активно включаются при отсутствии алгоритмов достижения цели. Эмоции выступают как своего рода следящая система, которая стимулирует действие в случае наметившегося продвижения к успеху (положительная эмоция), либо блокируют его (отрицательная эмоция) в случае отдаления от намеченной цели и неудовлетворения обостряющихся потребностей.

Неолиберальная модель рационального выбора, обобщающая западный опыт цивилизованного рынка, представляла собой идеализацию, неприменимую к состояниям «фазового перехода» от советской плановой экономики к экономике рынка. Неудивительно, что попытки неолибералов, пришедших к власти в начале 1990-х г., сконструировать экономическую жизнь по меркам этой модели, привели к неожиданному для них результату –

формированию не цивилизованного рынка, который они пропагандировали, а дикого рынка эпохи первоначального накопления.

О возможных стратегиях движения к цивилизованному рынку

Анализ архетипов российского массового сознания и наших культурных традиций показывает, насколько непросто отыскать оптимальную стратегию формирования цивилизованного рынка.

Его нельзя построить за 500 дней, как это полагалось в утопиях последних лет перестройки. Для этого нужен намного более длительный исторический период перемен не только в сфере политики и экономики, но и в духовной сфере. Проблема рынка, очевидно, перерастает в проблему духовной реформации и видоизменения некоторых наших традиционных ценностей. Но это не значит, что нужно ломать все без исключения жизненные смыслы и ценности нашей духовной традиции. Важно определить, на что следует опереться, что возможно и что невозможно осуществить в современной российской действительности.

Старые и новые ценностные тенденции сегодня сталкиваются друг с другом в культурном, экономическом и политическом пространстве России, часто конфликтуя между собой, порождая социальные напряжения. И вместе с тем они воздействуют друг на друга, трансформируются под этим воздействием, часто весьма причудливо соединяясь в поведении людей. Задача политиков состоит как раз в том, чтобы, учитывая эти процессы, отыскать такие стратегии реформ, которые позволили бы наиболее эффективно и наименее болезненно продвигаться по пути к цивилизованному рынку. Без учета специфики российских менталитетов решить эту задачу невозможно. Важно, что уже первые шаги к прояснению фундаментальных смыслов и ценностей российской культурной традиции позволяют увидеть новые возможности и варианты реформаторских стратегий.

Можно, например, зафиксировать, что ориентация на парадигму индивидуализма, взрывающую наши духовные традиции, вовсе не обязательна для рыночных реформ. Опыт Японии, использовавшей семейно-клановые традиции (аналог известного нам семейного подряда) в организации производительного цивилизованного рынка, показывает, что сфера его духовных основ намного шире, чем это представлялось нашим экономистам-реформаторам начала 1990-х годов. Но и современный западный опыт также свидетельствует о тенденциях синтеза индивидуализма с коллективными формами собственности и предпринимательства. Народный капитализм, который разоблачали идеологи “развитого социализма”, был той реальностью, которая обеспечила передовым странам Запада устойчивое развитие цивилизованного рынка.

Но тогда идеалы коллективизма и соборности, свойственные российскому духу и выступающие противоположностью индивидуализму, не должны восприниматься как некое препятствие на пути рыночных реформ. Напротив, на них вполне можно было опереться. Во всяком случае, имеется достаточно образцов, свидетельствующих о значительных возможностях трудовых коллективов, ставших собственниками и включившихся в производственную рыночную деятельность.

В новом свете можно рассмотреть и перспективы формирования единого правового пространства как условия цивилизованного рынка. Создание правового государства в России не может осуществляться на путях ослабления центральной власти, поскольку в этом случае, как правило, усиливаются сепаратизм, авторитаризм на местах, активизируется формирование мафиозных структур. В то же время необходима и определенная реформация российского идеала державности. В демократической системе глава государства не может восприниматься как нечто святое и стоящее над законом. К нему и его власти у граждан складывается своего рода инструментальное отношение: он предстает как человек, избранный для выполнения определенного круга функциональных

обязанностей, и от того, насколько хорошо он их выполняет, зависит уровень уважения к нему сограждан.

В последнее десятилетие у нас произошла определенная десакрализация центральной власти. И это, несомненно, важный шаг к реализации идеала правового государства. Но его необходимо дополнить целенаправленной политикой по укреплению государственности, соединив идею права с традиционным для российского сознания идеалом сильной государственной власти. Успешное продвижение в этом направлении, выступает, пожалуй, наиболее позитивным итогом президентства В.В.Путина.

Наконец, отмечу еще один важный аспект российских культурных традиций, с которым должны постоянно соизмеряться конкретные шаги современных реформ. Приоритетное место идеала справедливости, воспринимаемого российским сознанием в качестве мерила нравственной жизни человека, по своей природе противоречит практике “дикого рынка”, приводящей к перераспределению общественного богатства в пользу небольшой группы лиц при общем уменьшении производительности. Но оно вполне совместимо с цивилизованным рынком, предполагающим сильную социальную политику. Поэтому рыночные реформы будут постоянно буксовать и приводить к нежелательным результатам, если они не продуманы в плане сопровождающих их мер социальной защиты. Эти меры, в свою очередь, могут снижать уровень хаотичной неопределенности жизни, что, несомненно, будет способствовать укоренению более адекватных форм рационального поведения людей.

Как было уже сказано, в архетипах российского сознания заложен немалый потенциал их видоизменения и дополнения новыми смыслами. Многие наши традиции лишь по видимости консервативны и несовместимы с предпосылками цивилизованного рынка. Претензии, которые предъявляются к современным политикам, состоят как раз в том, что осуществляя реформы, они действуют по принципу “проб и ошибок”, не

просчитывая, как может вписаться западный опыт организации рыночной экономики в российскую культурную традицию. Но сегодня даже самые рьяные западные апологеты свободного рынка вынуждены корректировать неолиберальную версию концепции рационального выбора, подчеркивая, что категории свободы, ответственности, индивидуального выбора как духовные основы свободного рынка всегда вписаны в исторический и культурный контекст и могут принимать различные модификации в зависимости от этого контекста⁶.

Учет этих модификаций в экономической науке породил модели институциональной экономики, которая трансформирует идеализацию «экономического человека» и рассматривает побудительные мотивы действий агентов рынка в более широком контексте адаптации к институционально закрепленным правилам и традициям⁷.

В эволюционной парадигме экономики сделан новый шаг – она требует учитывать эволюцию экономических агентов, изучения социально-экономических генотипов их популяции, принимая во внимание взаимодействие приобретаемых факторов и факторов «социальной наследственности»⁸.

В этих подходах прослеживается тенденция изучения экономических процессов в социокультурном контексте, во взаимовлиянии экономики, социальной сферы и культурных традиций. Учет этих контекстов в практике тем более важен. Усиливающееся взаимное влияние культур в процессе глобализации сегодня выступает фактором, с которым все больше приходится считаться акторам мирового рынка.

Что же касается политики российских реформ, то учет исторического и культурного контекста становится в современных реформаторских действиях важнейшей проблемой, без осознания которой мы не получим практически действенных и успешных решений.

⁶ См.: Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Полис. 1994. № 3. С. 57.

⁷ Подробнее см.: Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004.

⁸ Там же.

